

А. Л. Потравнов

Проект «Регионавтика», Санкт-Петербург, Россия. canonir7@gmail.com

Т. Ю. Хмельник

Проект «Регионавтика», Санкт-Петербург, Россия. regionavtica@gmail.com

О НЕРАВНОМЕРНОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КАМЕННЫХ КРЕСТОВ В ГРАНИЦАХ КОПОРСКОГО И ЯМСКОГО УЕЗДОВ ВОДСКОЙ ПЯТИНЫ

В статье представлены результаты исследования по выявлению факторов, оказавших влияние на распространение каменных крестов по территории Копорского и Ямского уездов. Базовыми исходными данными для исследования послужили: информация о местоположении каменных крестов, сведения из писцовых книг Водской пятины конца XV – начала XVI в. и материалы по геологии территории. На основе локализации авторами 494 населенных пунктов указанных уездов, владений новгородских монастырей и служилых людей-ивангородцев, а также ряда других данных, учтенных в геоинформационной системе, был выявлен целый ряд зависимостей. По итогам анализа полученных результатов сделаны выводы о влиянии различных факторов и высказано предположение о дискретности периодов изготовления каменных крестов на данной территории.

Ключевые слова: каменный крест, геоинформационная система, Водская пятина, Копорский уезд, писцовая книга

Введение

Несмотря на значительное количество работ, посвященных описанию средневековых монументальных каменных крестов, изучению особенностей их географического распространения обычно уделялось недостаточное внимание. Так сложилось, но практически для всех исследователей ([Седов; Панченко, 2005–2009; Хухарев] и др.) карта с указанием мест обнаружения крестов в лучшем случае служила иллюстративным материалом, а не объектом изучения. В связи с этим подробного анализа многочисленных факторов, которые могли оказывать влияние на развитие и распространение традиции изготовления и установки каменных крестов, с использованием геоинформационных систем практически никем не проводилось.

Ранее на основе разработанной и предложенной нами типологии каменных крестов мы смогли выявить различные закономерности в распространении этих артефактов по территориям исторических земель северо-запада России. Об этом, в частности, мы писали в статье «О географии распространения монументальных каменных крестов на северо-западе России» [Потравнов, Хмельник, 2018а]. В этой работе нами были опубликованы «теплокарты» распространения разных подгрупп каменных крестов, на которых прослеживается явная неравномерность в их распределении [Потравнов, Хмельник, 2018а, с. 75]. Оказалось, что в одних местах встречаются крупные скопления артефактов, в других – единичные находки, в третьих – наблюдается полное их отсутствие. Такая особенность, очевидно, должна зависеть от целой совокупности причин, характерных для каждой конкретной территории, и выявлены эти причины могут быть только в ходе целенаправленного изучения.

Данная статья посвящена первым результатам такого исследования, проводимого на территории бывших Копорского и Ямского уездов Водской пятины.

Выбор этих уездов был обусловлен тем, что, по нашему мнению, для полноценного исследования необходимо учесть сразу несколько условий. Во-первых, территория должна иметь свои вполне явные исторически прослеживаемые границы. Во-вторых, она на протяжении длительного времени должна была развиваться в единых политических и социально-экономических условиях. В-третьих, желательно иметь документы того же периода времени, что и изучаемые объекты. В-четвертых, на этой территории должно находиться достаточное

количество аутентичных каменных крестов. Всем этим условиям выбранная территория полностью соответствует.

В качестве исходных материалов о каменных крестах на указанной территории были использованы данные, полученные из двух разных групп источников. Первая группа – это публикации XVIII–XX вв., содержащие соответствующие сведения¹. К сожалению, в значительной части этих работ отсутствуют прорисовки крестов, не указан точный материал (гранит, известняк, туф и т. д.), порой даже нет указаний на их точное количество в отмеченном месте. В связи с этим количество каменных крестов, которое нами было использовано из этой группы источников, составило 66 экземпляров, находящихся в 21 географической точке.

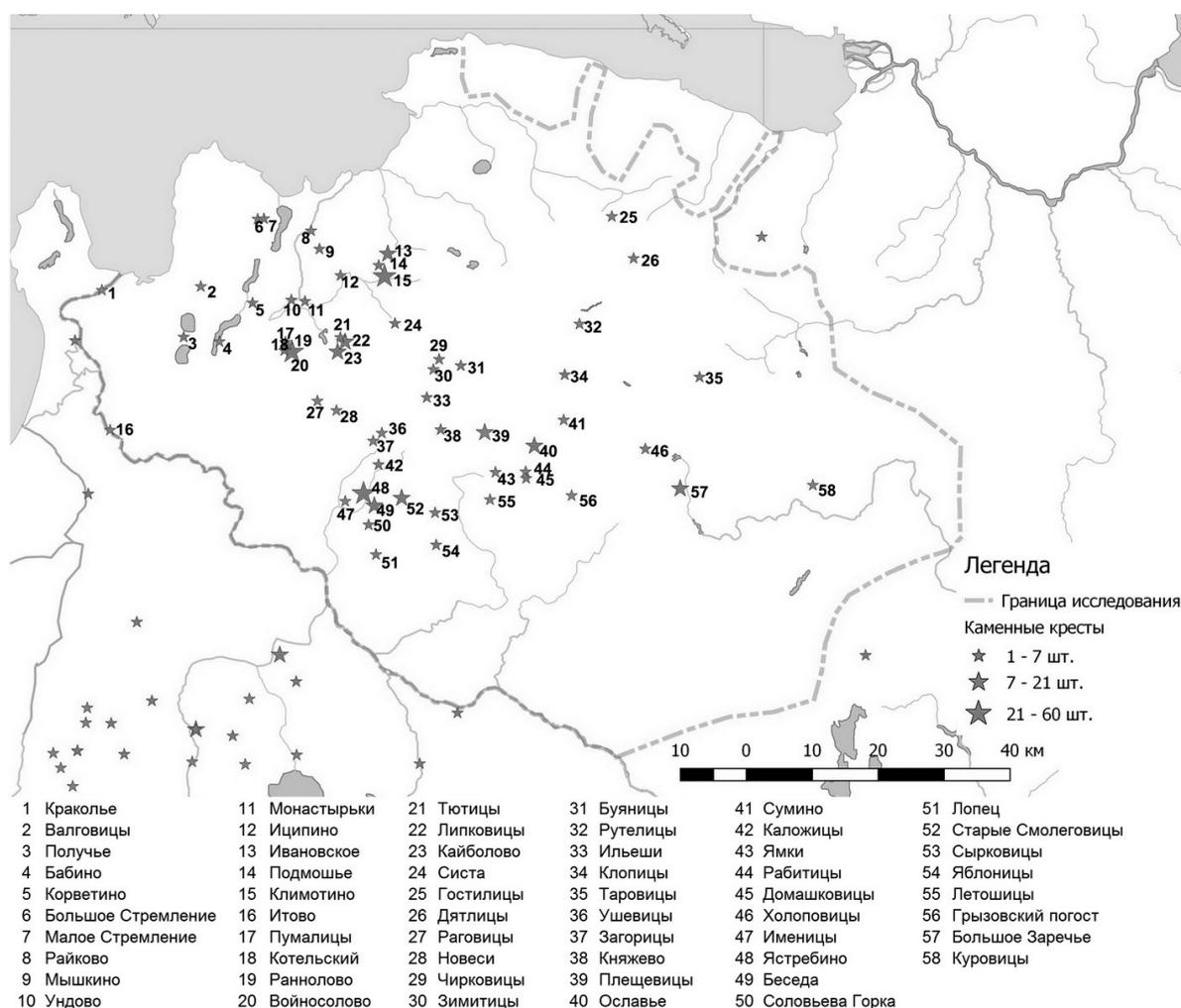

Рис. 1. Места обнаружения каменных крестов в XIX–XXI вв.

Ко второй группе мы относим данные о сохранившихся каменных крестах на местности, включающие как результаты собственных натурных обследований без проведения раскопок, так и сведения из недавно проведенных археологических раскопок [Панченко, 2005–2009;

¹ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1898. Т. 8. 1733–1734 г. С. 193; [Пушкарев, с. 43–44; Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии, 1884, с. 89; Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии, 1885, с. 386; Кольчатов; Лапшин; Ингерманландия глазами Самули Паулахарью, с. 77, 95–96] и т. д.).

Панченко, 2018]. В этой группе нами учитываются следующие сведения о 240 сохранившихся каменных крестах:

- места их первоначального обнаружения (37 мест);
- современное расположение (некоторые объекты были перемещены в музей);
- материал, из которого они изготовлены (доломит, туф, песчаник и т. д.);
- изображения (фотографии) этих крестов;
- видимые размеры (если крест был заглублен в землю, то раскопки не проводились).

Указанные в настоящей статье места расположения каменных крестов (58 географических точек) можно структурировать следующим образом:

- действующее деревенское кладбище без явных признаков средневекового могильника – 19 мест;
- действующее деревенское кладбище, на котором расположен средневековый могильник, – 12 мест;
- на средневековых могильниках, которые находятся вне современных кладбищ, – 15 мест;
- на территории деревни (частный двор, улица и т. д.) – 6 мест;
- около (либо внутри) деревенской часовни (в том числе бывшей) – 5 мест;
- в поле – 1 место.

Места обнаружения каменных крестов с указанием названий населенных пунктов приведены на рис. 1.

В случаях, когда происходило явное дублирование сведений об объектах из письменных источников и натурных обследований, мы отдавали предпочтение последним.

Мы допускаем, что указанное нами суммарное количество рассматриваемых в настоящей статье каменных крестов (включая идентифицируемые как крест обломки) не является полным и может со временем изменяться.

Методы исследования

В основе исследования лежит набор исходных данных, внесенных в геоинформационную систему в разных слоях на единую картографическую подоснову.

Для обработки геоданных использовалась открытая геоинформационная платформа QGIS. Нанесение на карту каменных крестов осуществлялось по GPS-координатам, которые определялись на местности с помощью портативного навигатора GarminGPSmap 62stc. В случаях группового расположения объектов на небольшой площади (обычно это сельское кладбище) выбиралась только одна точка.

В качестве исходных данных служат:

- сведения по 306 каменным крестам в 58 географических точках;
- сведения из «Книги Вотской пятины, письма Дмитрия Васильевича Китаева и Никиты Губы Семенова сына Моклокова. 7008 года»²;
- сведения из «Отрывка писцовой книги Вотской пятины второй половины 1504 – 1505 г., содержащего в себе опись части дворцовых земель этой пятины»³;
- геогностическая карта Санкт-Петербургской губернии, составленная профессором С. Куторгой в 1852 г.⁴;

² Новгородские писцовые книги (далее – НПК). СПб., 1868. Т. 3. Переписная оброчная книга Вотской пятины, 1500 года. Первая половина.

³ Гневушев А. М. Отрывок писцовой книги Вотской пятины второй половины 1504 – 1505 г., содержащий в себе опись части дворцовых земель этой пятины. Киев, 1908.

⁴ Геогностическая карта Санкт-Петербургской губернии / Сост. проф. С. Куторга. СПб., 1852.

- сведения из книги «Геология и полезные ископаемые Ленинградской области» [Киселев, Проскуряков, Саванин].

Учитывая, что многие сведения, в том числе упоминания о каменных крестах XIX–XX вв., являются неполными, а сохранившиеся объекты в большей части оказались перемещенными с мест их первоначальной установки, при проведении настоящего исследования мы, кроме ранее указанных, делали следующие допущения.

1. Используемые в исследовании опубликованные в XIX–XX вв. материалы, в которых фигурируют оценочные суждения «несколько каменных крестов» или просто «каменные кресты» по отношению к конкретной географической точке, отмечаются нами как упоминание о трех экземплярах в одном месте.

2. Места, указываемые в опубликованных в XIX–XX вв. материалах, которые, если специально не оговаривается иное, воспринимаются точными и аутентичными по отношению к ближайшему указанному населенному пункту.

3. Кресты, которые, по разным свидетельствам, считаются вторично перемещенными, в случаях, когда нет точных указаний об их первоначальном местонахождении, переносились от него не более чем на 10 км.

4. Соотношение сохранившихся (включая упомянутые в опубликованных источниках) крестов, которые учтены в настоящей работе, со всеми ранее установленными каменными крестами (количество которых нам неизвестно) приблизительно одинаково на всей исследуемой территории.

В результате предварительной обработки исходных данных в виде отдельных слоев в геоинформационную систему были внесены:

- места обнаружения каменных крестов на исследуемой территории с указанием количества зафиксированных на каждом месте артефактов (с учетом указанных допущений);
- границы залегания геологических слоев, из которых изготавливались каменные кресты, и данные о местах добычи этих материалов по состоянию на середину XIX в.;
- данные о расположении локализованных населенных пунктов на конец XV – начало XVI в.;
- сведения о некоторых типах землевладельцев на указанной территории;
- сведения о производствах, которые могли иметь отношение к обработке камня, на основе писцовых книг и летописей.

Использование геоинформационных систем для наглядного отображения с целью дальнейшего анализа сведений из писцовых книг и сопоставления их с данными археологических находок на изучаемой территории применял И. В. Стасюк [Стасюк, 2008; Стасюк, 2020]. В отношении каменных крестов подобное исследование на данной территории ранее не проводилось.

Выявление влияния различных факторов на неравномерность распределения каменных крестов

1. Геологический фактор

Одним из факторов, который может существенно повлиять на возникновение неравномерности в распределении каменных крестов, оказывается геология местности. Все сохранившиеся кресты сделаны из материалов, которые имеются на рассматриваемой территории. Подавляющее большинство (166 экземпляров) сделаны преимущественно из доломитизированных известняков, 70 крестов высечены из известкового туфа (травертина), 3 креста – из слоистого, с глинистыми прослойками известняка, один – из гранита.

Чтобы выявить какую-либо зависимость влияния залегания горных пород, из которых были сделаны каменные кресты, на их распределение по территории, мы нанесли на карту необходимые для этого данные:

- места обнаружения каменных крестов;
- границы залегающих близко к поверхности карбонатных пород ордовикского периода (известняки и доломиты);
- места карьеров (плитных ломок) по добыче карбонатных пород на 1852 г.;
- выявленные месторождения известковых туфов (травертинов).

Результаты такого совмещения исходных данных представлены на рис. 2. Пунктирной линией обозначена граница Копорского и Ямского уездов Водской пятины исходя из выполненной нами локализации 494 отмеченных в писцовых книгах селений. Сплошной толстой линией обозначена ориентировочная граница залегания карбонатных пород ордовикского периода, представляющая собой протяженную возвышенность (Ордовикское плато). Западная часть Ордовикского плато называется Ижорской возвышенностью с максимальной высотной отметкой 168 м над уровнем моря около д. Бегуницы [Киселев, с. 27]. Протяженность Ижорской возвышенности в границах Копорского и Ямского уездов по линии запад – восток составляет около 80 км, а по линии север – юг – около 50 км.

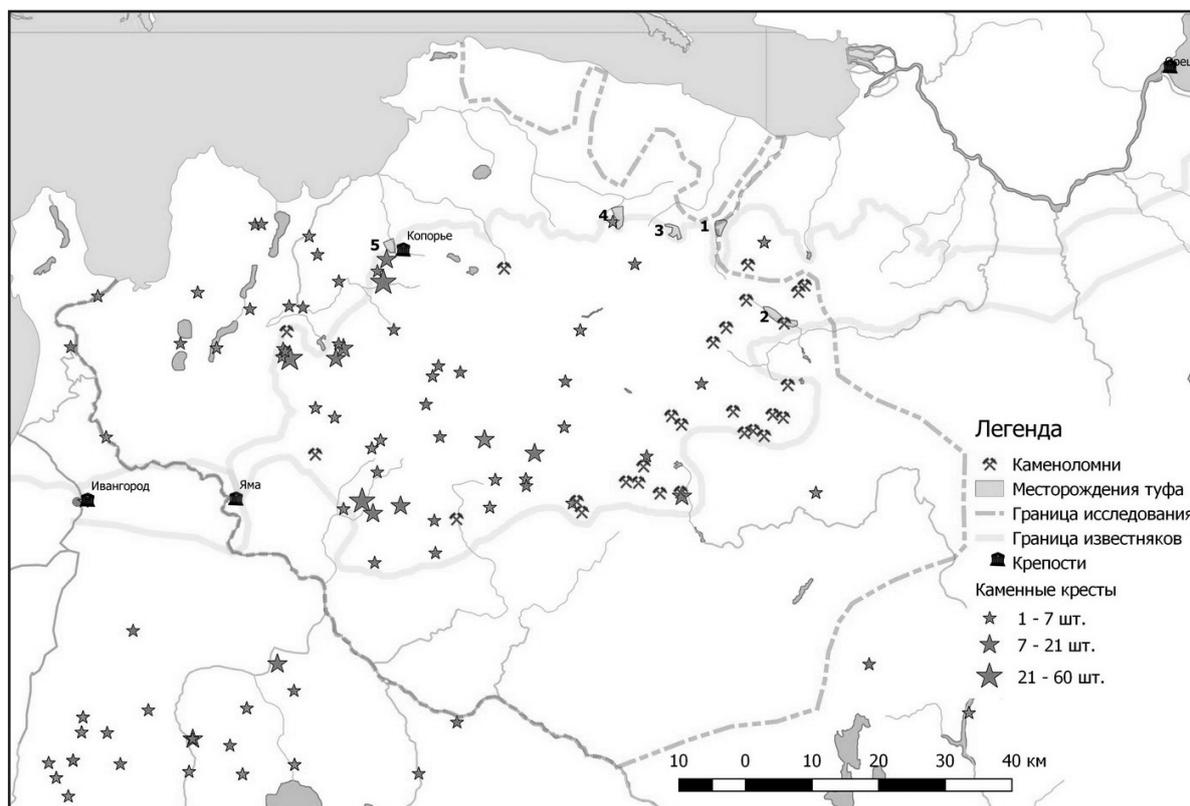

Рис. 2. Расположение каменных крестов, карьеров и границы залегания карбонатных пород ордовикского периода

Значки, отображающие месторасположения каменных крестов, в зависимости от численности объектов в данном месте имеют разный размер:

- малый (от 1 до 7 экземпляров);
- средний (от 7 до 21);
- большой (свыше 21).

Места «плитных ломок» из геогностической карты 1852 г. отмечены специальным знаком (каменоломни).

Как видно из представленной на рис. 2 ситуации, значительная часть учтенных в исследовании каменных крестов (87,25 %) находится на территории Ижорской возвышенности в границах залегания карбонатных пород ордовикского периода. Но это распределение неравномерное, поскольку 91,4 % от всех крестов в границах Ижорской возвышенности оказались в западной и юго-западной ее частях (западнее условной линии Копорье – Ославье – Извара).

Выявленная диспропорция не может быть объяснена исключительно геологическими особенностями местности, поскольку условия залегания известняков, доломитов и травертинов практически на всей территории оказываются одинаковыми. В частности, отмеченные в середине XIX в. карьеры по добыче карбонатных пород находились в основном в восточной части Ижорской возвышенности, то есть там, где каменные кресты практически не отмечались. При этом крупные карьеры по добыче известняков в западной и центральной частях Ижорской возвышенности, где фиксируется большинство объектов, появились преимущественно в XX в. [Киселев, с. 86–88].

Еще одним подтверждением отсутствия прямой зависимости от геологического фактора служит размещение всех каменных крестов, изготовленных из травертина (осадочного туфа), практически в одном месте – юго-западнее крепости Копорье, около месторождения туфа под номером 5. Об обнаружении около других наиболее крупных месторождений туфа (отмеченных номерами 1–4) крестов из этого материала нам не известно. Хотя мы вполне допускаем, что именно из туфа могли быть изготовлены некоторые кресты, которые отмечались в 1880-х гг. около Гостилиц. Под номером 2 на карте отмечено самое известное и крупное месторождение «пудостского туфа», которое активно эксплуатировалось с 1720-х гг. до середины XX в. Этот туф использовался при многочисленных постройках в Санкт-Петербурге (Казанский собор, Ростральные колонны), в Царском Селе, Гатчине и т. д. Важная особенность этого материала заключается в легкости его добычи – в естественной среде месторождения он очень легко режется даже ножом и только потом, после нахождения на воздухе, твердеет. Но и в этом случае сведений о существовании каменных крестов поблизости от указанного месторождения у нас также нет.

Теперь обратим внимание на наличие каменных крестов между Финским заливом и Ижорской возвышенностью в западной части исследуемой местности. На этой территории нет известняков и доломитов, а залегают различные морские, озерно-речные и ледниковые отложения (пески, глины и т. д.). Тем не менее здесь мы также встречаем кресты, изготовленные из тех же материалов, что и объекты, обнаруженные на Ижорской возвышенности (известняки, доломиты, туфы). То есть они были перемещены на расстояние от 10 до 20 км.

Таким образом, получается, что, несмотря на схожие геологические условия территории, в одних местах встречается большое количество каменных крестов, а в других их практически нет. Кроме того, оказывается, что в разных геологических условиях могут находиться каменные кресты из одних и тех же материалов.

Анализ геологических условий и данных о местонахождении каменных крестов позволяет сделать вывод, что геологические особенности территории, безусловно, важны

для изготовления объектов, но это не тот фактор, который оказывает определяющее влияние на параметры их распределения в границах Копорского и Ямского уездов Водской пятины.

2. Фактор расположения населенных пунктов

В ходе предварительной работы нами было, с определенной степенью достоверности, локализовано 494 населенных пункта (около 72 %) Копорского и Ямского уездов Вотской пятины, отмеченных в «Книге Вотской пятины, письма Дмитрия Васильевича Китаева и Никиты Губы Семенова сына Моклокова. 7008 года»⁵, в «Отрывке писцовой книги Вотской пятины второй половины 1504 – 1505 г., содержащем в себе опись части дворцовых земель этой пятины»⁶ и в работе К. А. Неволлина «О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты» [Неволин]. В качестве дополнительных материалов, использованных нами для определения местоположения этих селений, послужили сведения из шведских писцовых книг Ижорской земли 1618–1621 гг.⁷ и различные картографические материалы – как шведские⁸, так и российские⁹.

Еще одно допущение, которые мы приняли, было связано с тем, что при публикации в 1868 г. книги Вотской пятины письма Китаева оказались утрачены описания Спасского Орлинского, Никольского Грезневского и части Богородицкого Дягиленского погостов. В работе К. А. Неволлина указываются населенные пункты из этих погостов, но без подробного описания (количество дворов, имена владельцев, виды оброков и т. д.). Часть этих селений мы смогли локализовать и внести в геоинформационную систему, но при этом их размеры указали ориентировочные.

По нашему мнению, эти допущения не окажут сильного влияния на итоговые результаты, поскольку целью исследования служит выявление зависимостей, характерных для всей территории в целом.

Исходя из этого, мы полагаем, что внесенные нами данные о 494 селениях Копорского и Ямского уездов представляют собой репрезентативную выборку, характеризующую структуру распределения населенных пунктов на указанной территории по состоянию на начало XVI в.

Для наглядности восприятия мы сгруппировали селения по количеству дворов в три группы:

- от 1 до 8 дворов – малые;
- от 8 до 22 – средние;
- более 22 дворов – большие.

⁵ НПК. Т. 3.

⁶ Гневушев А. М. Отрывок писцовой книги Вотской пятины второй половины 1504 – 1505 г., содержащий в себе опись части дворцовых земель этой пятины.

⁷ Jordeböcker öfwer Ingermanland. Писцовые книги Ижорской земли. Т. 1. Годы 1618–1623. СПб., 1859. Отд. 1; СПб., 1862. Отд. 2.

⁸ *Wassander P. Denna LandCarta Öfwer nagna Pogoster Ole: Ingermanland äü... Karta: som Anno 1679 Geometrice aflagit af renoverat... datta format... Martio A° 1699 // БАН. Сектор картографии ОФО. V рт / 126-14; Andersin Anders. General Charta öfwer Provincien Ingermanland Hwilken Helt noga Uthwijsar Hela Dhes Situation Jämte alle der uthi Belägne Kyrkior, Häff, Bÿar och Torp, Tillijka medh alle derigenom sträckande större och mindre Wägar samt Pass Item Siöar, Åar och Bäcker, såsom och Lähne samt Pogoste skilldnaderne. af Copierat Här widh Kongl. Maj:ts Landtmäterij Contoir Anno 1704 af det ifrån Narfwen åhr 1703 öfwersände Conceptet Sammandraget af sahl. Ingeniuren Erich Beling så wäll af 1678 åhrs Geomet. Commissions Arbete såsom och alle senare Tijders Mätningar öfwer Nötheborgs Lähns Norra dehl Renoverat aff m[anu] p[ropria]. Kungliga biblioteket. Handritade kartor. Kartsamlingen, S 50 nr 733, stort format.*

⁹ Географический чертеж над Ижорскою землей со своими городами, уездами, погостами, церквами, часовнями, дворами и деревнями, со всеми стоящими озерами, реками и потоками, хлебными и пильными мельницами и рыбными ловлями и корабельными пристанищи и протчая / Грыд. Адриан Шхонбек. 1704–1705 // БАН. Сектор картографии ОФО. V рк / 38.

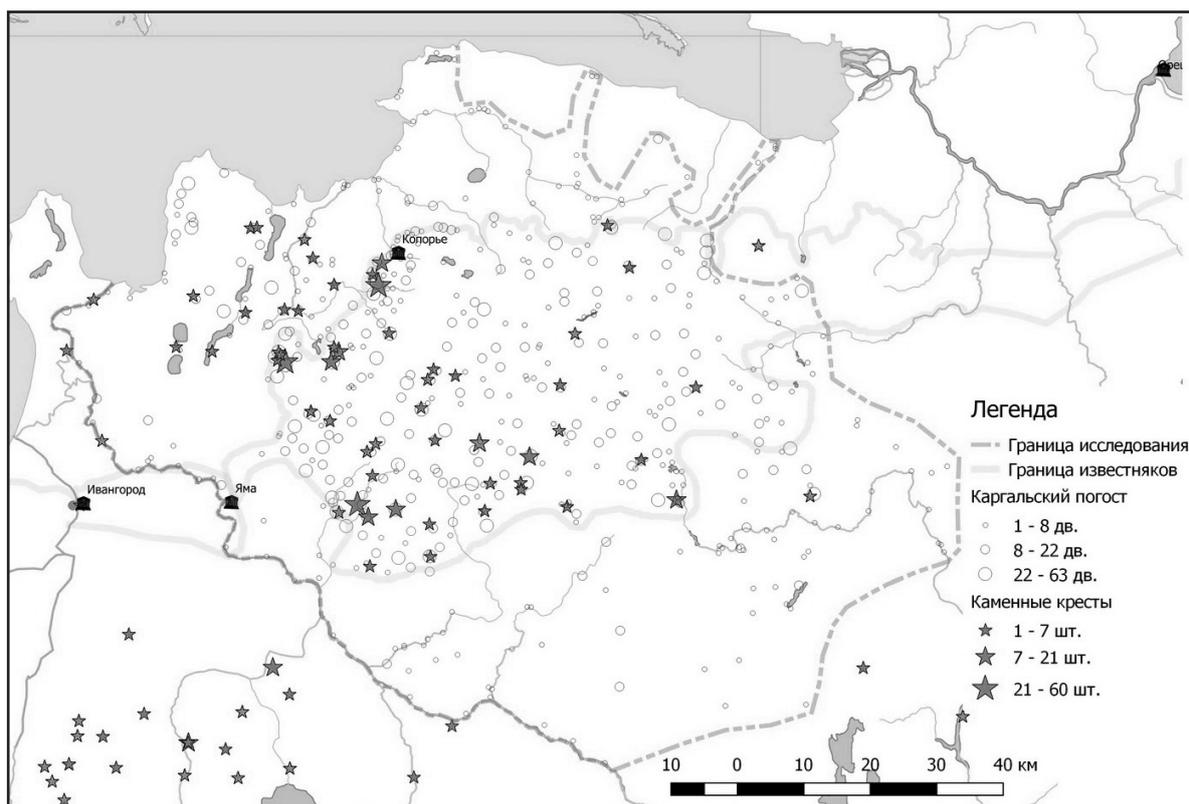

Рис. 3. Расположение каменных крестов и населенных пунктов Копорского и Ямского уездов Водской пятины

На рис. 2 показано совмещение слоев с данными о каменных крестах и идентифицированных населенных пунктах.

На представленной на рис. 3 карте видно, что селения достаточно равномерно распределены по всей территории, как в границах Ижорской возвышенности, так и за ее пределами. Исключения составляют заболоченные участки в западной, северной и юго-восточной частях территории. При этом, что неудивительно, все находки объектов были сделаны вблизи селений.

Сравнительный анализ распределения мест обнаружения каменных крестов и структуры сгруппированных по количеству дворов населенных пунктов в Копорском и Ямском уездах Водской пятины по состоянию на 1500 г. не выявил каких-либо явных зависимостей.

В частности, оказалось, что каменные кресты не располагаются вблизи какой-то определенной группы селений (мелкие, средние, крупные). То есть около одних крупных сел можно встретить скопления крупные (более 11 шт.) каменных крестов (Войносолово (71 двор), Смолиговичи (57), Воиславль (43) и т. д.), а около других их нет (Нос (63), Суйда (49), Речица (46) и т. д.). С другой стороны, объемные скопления крестов встречаются и у селений меньшего размера: Климятино (26), Кайбала (25), Плешевицы (7) и т. д. Также нет явно выраженной зависимости расположения каменных крестов от плотности распределения населенных пунктов.

Отсутствие явной зависимости могильников с каменными крестами от общей структуры расселения и ее иерархии (крупные, средние и малые поселения) позволяет сделать вывод, что традиция установки каменных крестов в XV–XVI вв. не была характерной и типичной для всего населения Копорского и Ямского уездов Водской пятины в целом.

3. Факторы структуры землевладения

В писцовых книгах содержатся сведения не только о количестве и размерах населенных пунктов, но и о владельцах, причем как на момент составления текущей переписи («новое письмо»), так и по состоянию на ранее составленную («старое письмо»). По мнению А. М. Гневушева, предыдущая перепись («старое письмо») была сделана в 1489 г., до проведения очередной конфискации новгородских земель Иваном III [Гневушев, с. 8].

Структура новгородского землевладения на исследуемой территории, по данным А. М. Гневушева [Гневушев, с. 264], выглядела так:

	Государственная земля (в %)	Церковная земля (в %)	Частновладельческая земля (в %)
Копорский уезд	0	17,2	82,8
Ямской уезд	1,6	8,1	90,3

Для начала рассмотрим населенные пункты, которые по «старому письму» полностью или частично в изучаемых уездах числились за монастырями из Великого Новгорода, а также за новгородским архиепископом (владычные земли). При этом мы намеренно не стали рассматривать структуру землепользования местных монастырей (Спасского из Ямы, Спасского и Рождественского из Копорья, Елисеевой пустыни, Никольского из Суйды).

Сведения о монастырских владениях нам важны, поскольку после присоединения Великого Новгорода к Москве в 1478 г. земли новгородских монастырей не увеличивались, а постоянно сокращались. Поэтому зафиксированные в писцовой книге сведения «старого письма» 1489 г. о владении новгородских монастырей, на наш взгляд, были актуальны и по состоянию на 1478 г., и даже раньше. Таким образом, данные из одной книги позволяют нам делать выводы не только по ситуации на 1500 г., но и с учетом более раннего периода.

В результате анализа писцовой книги¹⁰ мы выявили владения 14 новгородских монастырей и владыки (архиепископа) в 49 локализованных нами населенных пунктах Копорского и Ямского уездов Водской пятины и внесли их в геоинформационную систему. На рис. 4 показано совмещение слоев с данными о каменных крестах и слоя с теми селениями, где находились владения новгородских монастырей и владыки.

Оказалось, что монастырские и владычные владения распространены по территории уездов неравномерно. При совмещении слоя каменных крестов со слоем селений, в которых находились владения новгородских монастырей и архиепископа, проявилась слабая, но вполне очевидная корреляция. За исключением местности, тяготеющей к крепости Копорье и около истоков Оредежа, практически на всех остальных территориях, где были выявлены каменные кресты, рядом оказались и монастырские владения. Из 49 населенных пунктов, принадлежавших монастырям и новгородскому архиепископу, 32,6 % от всего числа таких селений (16) вплотную (менее 1 км) примыкают к местам, где было зафиксировано 37,6 % (115 экземпляров) от всех учтенных в данном исследовании каменных крестов Копорского и Ямского уездов. Для выяснения дальнейшей зависимости мы решили увеличить «зону тяготения» (расстояние от центра населенного пункта до места обнаружения креста) до 5 км. В результате число селений с монастырским и владычным владением, попадающих в эти зоны, увеличилось до 71,4 % (35). При этом доля крестов, находящихся в них, возросла до 58,8 % (180 экземпляров) от всех крестов на изучаемой территории.

¹⁰ НПК. Т. 3.

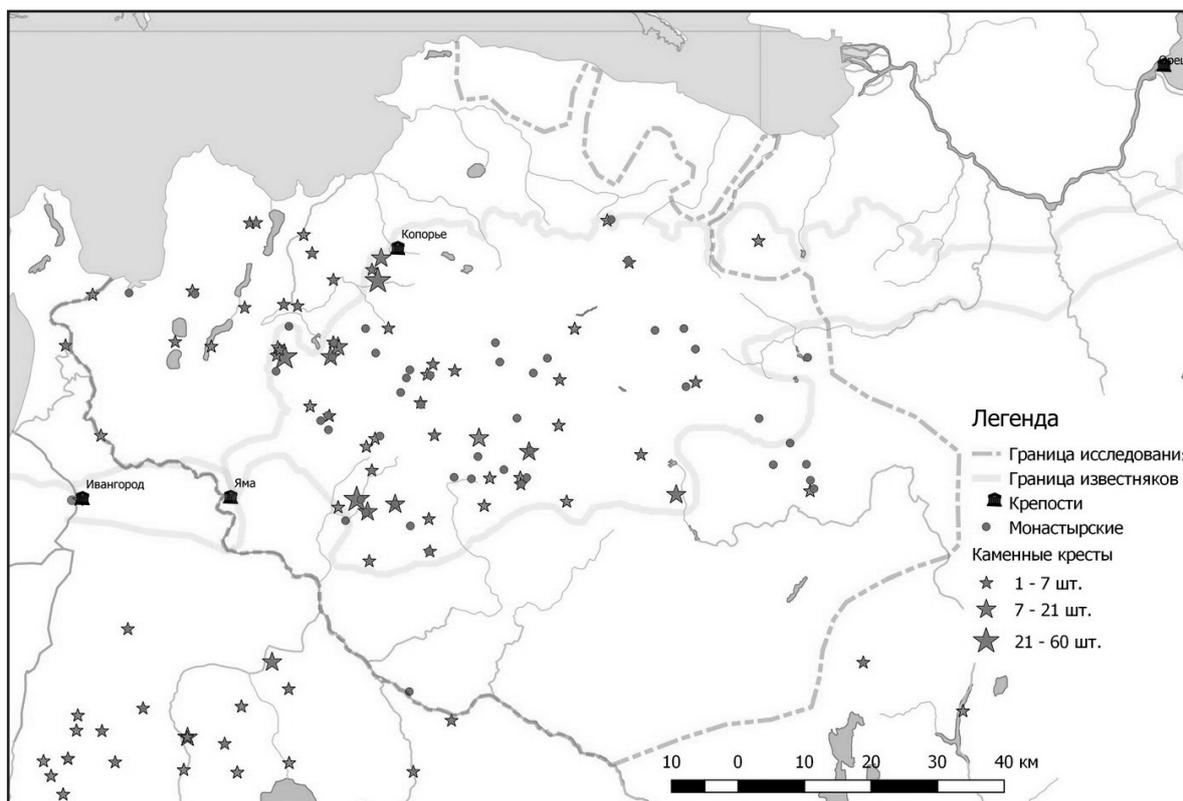

Рис. 4. Расположение каменных крестов и владений новгородских монастырей и владыки (архиепископа)

Таким образом, выявленные корреляции во взаимном расположении объектов не могут быть чистой случайностью, и, вполне вероятно, существует причинно-следственная связь, которую следует изучить более подробно.

На следующем этапе анализа структуры землевладения мы выбрали параметр, который смог весьма наглядно передать особенности частного землевладения, доминировавшего на территории этих уездов.

Размеры частных владений «старого письма» были небольшими. Так, в Копорском уезде из общего числа 252 частных владений – 152 (60,3 %) составляли от 1 до 10 обжей, 77 владений (30,6 %) – от 10 до 30 обжей и только 23 владения (9,1 %) можно было назвать крупными – свыше 30 обжей. В Ямском уезде доля мелких владений была еще выше: из 204 частных владений 187 (91,7 %) были мелкими – от 1 до 10 обжей [Гневушев, с. 327–328].

Под обжей в целях установления тягловой повинности в новгородских землях понимался доход, который мог получить один земледелец, обрабатывая участок земли с одной лошадью. Поэтому между обжей и количеством обрабатываемой земли связь была, но она не была линейной. Фактический размер земли, которую обрабатывал земледелец, чаще определялся другим показателем – количеством коробей ржи (разные злаки требуют разной плотности посева), которые могли быть на нем засеяны [Гневушев, с. 62]. Исходя из этого параметра средний размер земли под крестьянскую запашку на один двор в Водской пятине составлял около 8,5 десятин (9,3 га) [Гневушев, с. 231].

В дальнейшем, при передаче земель от новгородцев служилым московским людям, число самых мелких землевладений стало резко сокращаться вследствие объединения нескольких мелких в одно среднее землевладение (от 20 обжей). Как мы показали выше, каких-либо закономерностей между распределением мест обнаружения каменных крестов и населенными пунктами, сгруппированными по количеству дворов «нового письма», выявлено не было.

Но такое сравнение не было связано непосредственно с характеристиками частного владения, поскольку в одном земельном наделе могло находиться несколько селений, расположенных на удалении друг от друга.

В связи с этим и учитывая фактор «чересполосицы», мы решили выбрать один важный параметр, который позволяет идентифицировать расположение фактического землевладельца (помещика). При анализе писцовой книги оказалось, что в ней часто встречается одна характеристика частного владения – «большой двор» землевладельца. Не во всех случаях этот «большой двор» был, поскольку владелец земли мог проживать на территории другого погоста, уезда и т. д. Но там, где он был, практически во всех случаях указывалось, что в нем проживал либо сам землевладелец, либо его доверенное лицо: «Волость Казимировская, за Иваном за Кобылою, да за Федком за Олександровыми детьми Сухого: Село Кумолово: дв. в большом сам Иван, дв. человек его Рог; а хрестьян: дв. Демешко Ивашков...»¹¹.

В некоторых случаях, когда происходило, к примеру, объединение двух землевладений (поместий), фиксировалось два «больших двора». При этом каждый из них часто занимал один из совладельцев объединенного владения (брат, сын и т. д.). В писцовой книге встречаются примеры, когда после смерти одного из совладельцев такого объединенного участка происходил его новый раздел с передачей доли умершего во владение другому владельцу, вместе с относящимся к этому поместью «большим двором».

Таким образом, сведения о наличии «больших дворов», то есть по своей сути усадеб, позволяют нам представить структуру проживания наиболее зажиточной части населения уездов.

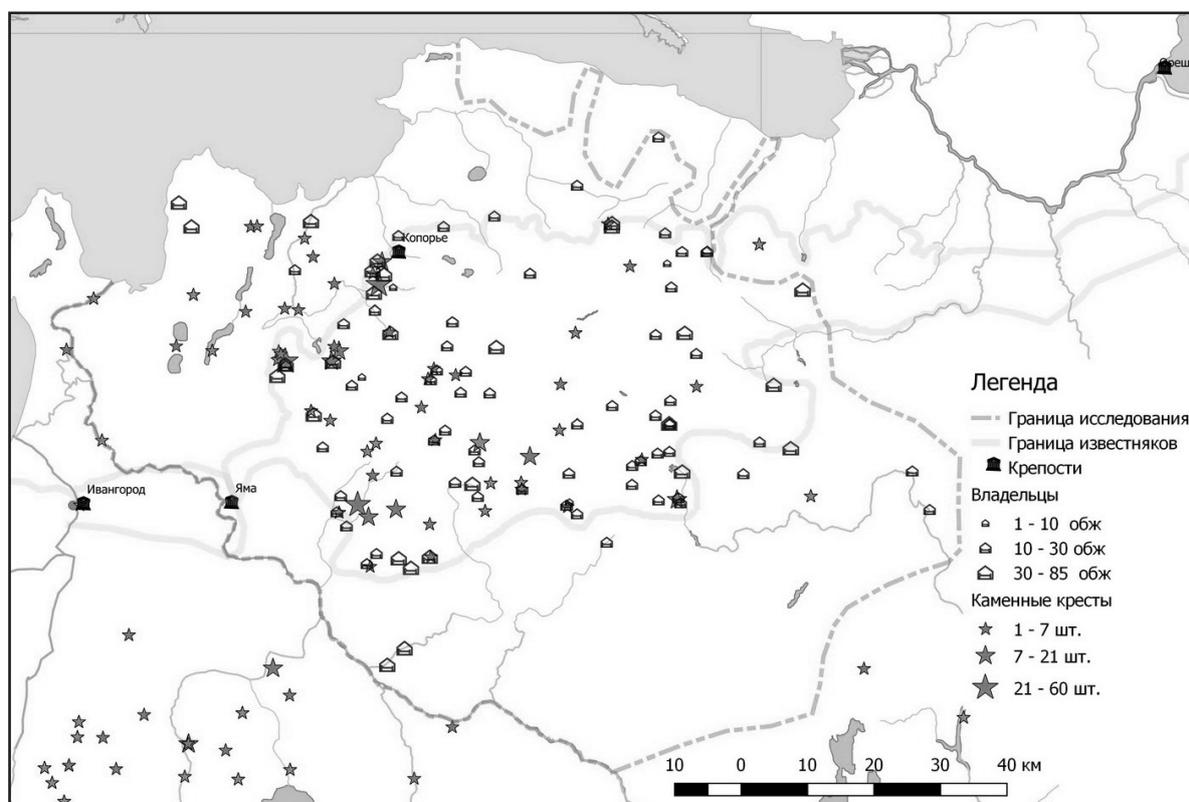

Рис. 5. Расположение каменных крестов и «больших дворов» землевладельцев

¹¹ Там же. С. 497.

В результате анализа писцовой книги нами было выявлено и локализовано на местности 94 «больших двора» землевладельцев. Для наглядности мы их разделили на три группы, в зависимости от размера землевладений, относящихся к конкретному «большому двору»:

- малые (от 1 до 10 обжей) – 4;
- средние (от 10 до 30 обжей) – 63;
- крупные (более 30 обжей) – 27 «больших дворов».

К сожалению, эта информация неполная, поскольку целиком отсутствуют сведения о «больших дворах» на территориях Спасского Орлинского, Никольского Грезневского и части Богородицкого Дягиленского погостов из-за утери листов писцовой книги после ее изучения К. А. Неволыным.

На рис. 5 представлено совмещение слоев с данными о местах выявления каменных крестов и расположения «больших дворов» землевладельцев.

В непосредственной близости (менее 1 км) от мест обнаружения каменных крестов оказалось 20,2 % (19) от всех «больших дворов». При этом в пяти случаях эти усадьбы располагались в селениях, ранее принадлежавших новгородским монастырям. При увеличении «зоны тяготения» до 5 км доля таких «больших дворов» возрастает до 39,4 % (37). То есть остальные 60,6 % (57) «больших дворов» оказываются удалены от каменных крестов более чем на 5 км. Эти результаты, с учетом того, что сведения о «больших дворах» были неполными, говорят о весьма слабой зависимости.

Еще одной группой владельцев, которые фигурируют в писцовой книге, оказываются жители двух городов – Ямы (ямяне) и Ивангорода («служилые люди Ивангородцы»). Эти владельцы учитываются отдельно, и, что самое важное, они либо сами обрабатывают землю без подати (в основном, это практиковалось для ямян), либо положенный на приписанных крестьян оброк берут себе.

Вот несколько примеров таких записей, имеющих отношение к ямянам: «А дохода Ямянам 130 и пол-осмы бочки пива, 80 сыров, 150 ковриг, а хлеба четверть»¹²; «а доход Филке четверть из хлеба; а Олексейко, да Костко, да Смешко свой жребий сами пашут»¹³.

Записи, касающиеся ивангородцев, немного отличаются: «А великого князя оброку положено и за хлеб 1 1/2 рубля, опричь обежной дани, и того оброку не имати, дано им с оброком»¹⁴; «И тот доход им имати себе по обжам: и Федюне имати дохода с 7 обей, а Сидорику имати с сыном с 10 обей»¹⁵. В среднем, одна ивангородская семья получала себе доход с 5–6 крестьянских обжей.

Жителям города Ямы (239 дворов) еще с новгородского времени принадлежали земли, составившее Ямское Окологородье – 20 населенных пунктов вдоль правого берега реки Луги и село Ямская Весь (52 двора). В 5-километровой зоне притяжения этих селений зафиксировано всего семь каменных крестов (которые не сохранились), находившихся в двух местах на правом берегу реки Луги. На левом берегу Луги, за границами исследования, но в пределах 5-километровой зоны, нам достоверно известно только о двух каменных крестах.

Теперь рассмотрим сведения о владениях ивангородцев. В результате анализа писцовой книги мы смогли локализовать 35 селений (из 37 известных), где 90 ивангородским семьям были отданы владения, с которых они получали оброк. При этом в 19 случаях это были те же самые населенные пункты и те же обжи, которые ранее принадлежали новгородским монастырям и владыке.

¹² Там же. С. 956.

¹³ Там же. С. 888.

¹⁴ Там же. С. 539.

¹⁵ Там же. С. 792.

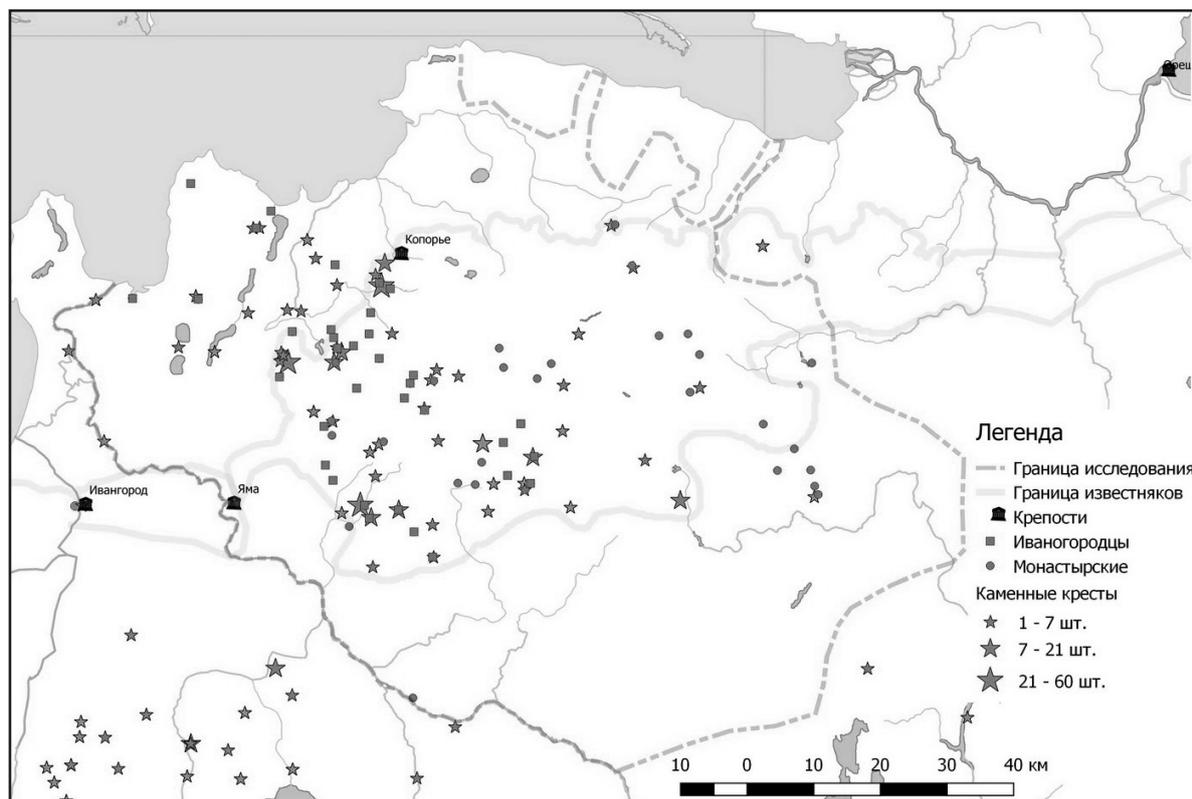

Рис. 6. Расположение каменных крестов, владений новгородских монастырей и ивангородцев

Вплотную (на расстоянии менее 1 км) к каменным крестам из этих 35 селений оказались расположены 31,43 % (11), а в пределах 5-километровой «зоны тяготения» – уже 82,8 % (29). Доля каменных крестов, находящихся в 5-километровой зоне этих селений, составила 79,7 % (244 экземпляра) от всех известных каменных крестов на территории исследуемых уездов.

На наш взгляд, эта очевидная зависимость не может объясняться случайностью.

Важно обратить внимание и на следующий факт. По данным В. Н. Бернадского, из глав этих 90 семей ивангородцев «86 были несомненно людьми новгородских бояр (или, если учесть их взрослых сыновей, из 121 человека взрослых служилых 114 были слугами новгородских бояр или детьми боярских слуг). Эти вновь испеченные помещики были в большинстве своем слугами влиятельнейших новгородских бояр, «великих бояр», хорошо известных по летописи» [Бернадский, с. 328].

Действительно, в переписной книге упоминаются ивангородцы как бывшие люди новгородских посадников Богдана Есипова, Луки Федорова, Григория Тучина и Якова Селезнева, тысяцкого Михаила Берденева и т. д. [Янин, с. 403, 407].

Так что подавляющее большинство этих служивых людей, ивангородцев, оказались не чужими пришельцами, это, вероятнее всего, бывшие жители Великого Новгорода, где они были хорошо знакомы с традицией установки каменных крестов (только в стенах 28 новгородских храмов нам известно 126 сохранившихся крестов) [Потравнов, Хмельник, 20186, с. 244].

Учитывая все эти сведения, мы полагаем, что если совместить (исключая дублирование) данные о наделах ивангородцев с владениями новгородских монастырей и владыки, то мы получим более точное представление о структуре этих владений с учетом временного диапазона, включающего в себя как минимум несколько десятков лет.

В результате такого совмещения данных (Рис. 6) оказалось, что доля каменных крестов, попадающих в 5-километровую зону тяготения 45 селений, которыми владели новгородские монастыри, владыка и ивангородцы, возросла до 83,98 % от всей совокупности, учитывающейся в настоящем исследовании.

На наш взгляд, в результате объединения двух слоев проявилась очень сильная корреляция, которая позволяет сделать вывод о наличии явной зависимости (причины возникновения которой необходимо дополнительно изучать) между фактом расположения почти 84 % от учтенных в данном исследовании каменных крестов на расстоянии до 5 км от 70,3 % селений, которыми в разное время владели новгородские монастыри, владыка, а также ивангородцы.

4. Фактор вида деятельности

Еще один информационный слой, который содержится в писцовых книгах, относится к указанию вида экономической деятельности учтенного населения. Увы, нельзя назвать эти данные полными, но игнорировать такие сведения при анализе мы считаем недопустимым.

Основным видом деятельности местного населения, безусловно, было земледелие. Однако применительно к изучению каменных крестов нам важнее исследовать промышленные виды деятельности населения на рассматриваемой территории. В результате анализа выясняется, что основным промышленным видом деятельности в Копорском уезде было железоделательное производство. На территории Каргальского, Толдожского и Дятелинского погостов мы насчитали упоминания о 110 домницах. Кроме производства первичного железа из болотной руды, на данной территории была развита и железообработка, о чем свидетельствует большая концентрация кузнецов в Толдожском погосте (Рис. 7). Так, из упомянутых в переписной книге 60 кузнецов 39 мастеров проживали исключительно в этом погосте (Пилола – 19 человек, Войносола – 10 человек, Рудьела – 4 человека, и т. д.).

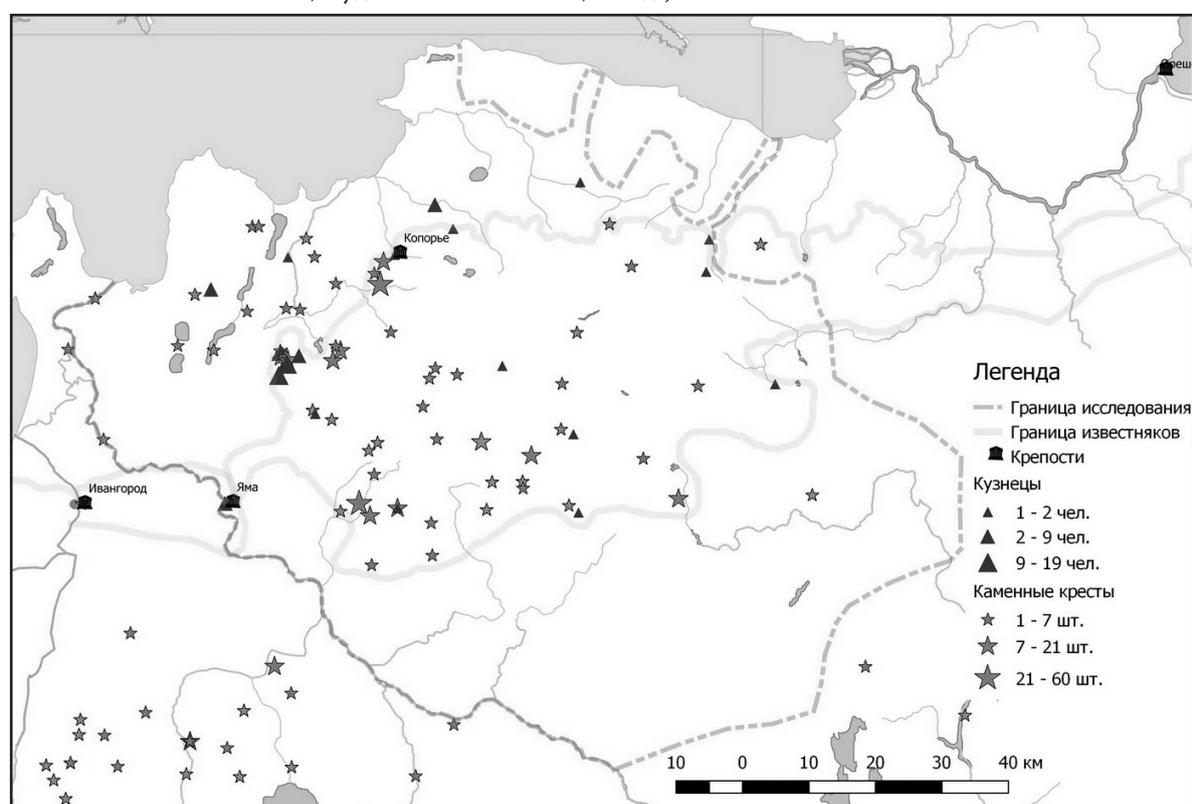

Рис. 7. Расположение каменных крестов и местожительство кузнецов

Рис. 8. Крест Ильи Онцифорова на Ястребинском погосте

Кроме того, в писцовой книге в этих двух уездах встречаются в весьма ограниченном количестве следующие специальности: решетник, плотник, ведерник, швец, колпачник, сапожник, седельник, кожевник, москотинник, пивовар, пастух, коневой лекарь и даже скоморохи! При этом среди всего перечисленного нигде не упоминается деятельность, связанная с обработкой камня. То есть у нас нет документально подтвержденных оснований заявлять, что в 1500 г. на исследуемой территории постоянно проживали некие мастера-каменотесы.

В связи с этим возникает вопрос: если нам не известно о существовании устойчивого местного промысла, связанного с камнеобработкой, то кто же тогда изготавливал многочисленные каменные кресты, зафиксированные на этой территории? Крестьяне-землепашцы? Кузнецы?

Уровень художественного мастерства, продемонстрированный на многих крестах, исключает возможность их изготовления непрофессиональным камнерезом. В качестве наглядного примера уровня сложности резьбы по камню может служить крест из д. Ястребино (Рис. 8).

Кстати, вырезанное на этом кресте имя – «Илья Онцифоров» – встречается в числе имен крестьян сельца Гора Ястребинского погоста: «дв. Илейка Онцыфоров, да брат его Исачко, дв. Перша Онцыфоров...» в переписной книге в 1500 г.¹⁶

Таким образом, на территории существуют каменные кресты с высоким уровнем исполнительского мастерства, а других объектов из камня (домов, мостов и проч.) здесь практически нет. Единственное, но весьма серьезное исключение составляют каменные крепости: Копорье (1297 г.), Яма (1384 г.) и находящийся рядом Ивангород (1492 г.).

Строительство каменных крепостей Копорье в 1297 г.¹⁷ и Яма в 1384 г.¹⁸ явно осуществлялось прибывшими из Новгорода мастерами. В 1448 г. Яму, после боев с Орденом, под личным контролем архиепископа Евфимия серьезно перестроили, значительно увеличив: «Заложиша городок нов, камен, охабень болши старого»¹⁹. Судя по всему, на эту работу также присылали мастеров из Великого Новгорода. Затем крепость перестраивали в начале XVI в., вероятно, с привлечением новгородских и псковских каменотесов, которые работали в это же время в Ивангородской крепости [Кирпичников, с. 201–202].

Ивангородская крепость была построена в 1492 г. с привлечением, по мнению В. В. Косточкина, псковских и, возможно, новгородских каменщиков [Косточкин, с. 253–254]. При расширении крепости в 1496–1499 гг. также упоминаются новгородские и псковские мастера [Косточкин, с. 256]. Затем, в 1507–1509 гг., расширением Ивангородской крепости занимались новгородский староста Владимир Торкан (Торокан) и Маркус Грек, а каменные работы, вероятнее всего, также исполняли новгородские и псковские мастера [Косточкин, с. 296].

Учитывая эти факты, вполне возможно, что и перестройку Копорской крепости в 1520-е гг. также выполняли псковские и новгородские мастера.

Таким образом, на рассматриваемой территории на рубеже XV–XVI вв. проводились масштабные строительные работы с привлечением высококвалифицированных мастеров по обработке камня из тех мест, где традиция изготовления и установки каменных крестов была хорошо известна, то есть из новгородских и псковских земель.

Кроме специалистов-каменщиков и хорошего строительного материала (известняка), требовалось большое количество инструмента для обработки камня. Вполне вероятно, что кузнецы Толдожского погоста как раз и могли изготавливать необходимый для постройки крепостей железный инструмент. На наш взгляд, большое количество кузнецов (35 человек), которое отмечает переписная книга на территории в 18 квадратных километров (Пилово – Войносолово – Пумалицы – Руддилово), говорит о повышенном спросе на готовую металлопродукцию именно в этом месте.

Исходя из имеющихся у нас предварительных сведений, включая некоторые результаты данного исследования, мы считаем одним из вероятных следующее предположение: изготовление каменных крестов на рассматриваемой территории могло быть связано с присутствием мастеров-каменотесов, привлекавшихся к постройке (реконструкции/ремонту) каменных крепостей Копорье, Яма и Ивангород. Мы полагаем, что традиция

¹⁶ Там же. С. 785.

¹⁷ ПСРА. М., 2000. Т. 6. Вып. 1. С. 384.

¹⁸ Там же. С. 484.

¹⁹ ПСРА. СПб., 1889. Т. 16. С. 192.

создания и установки каменных крестов должна была быть известна и понятна не только тем заказчикам, кто проживал на территории, но и мастерам-изготовителям. Вполне возможно, что в некоторых случаях определенные навыки изготовления каменных крестов могли быть получены и отдельными местными жителями.

Такое предположение, с учетом ранее выявленных зависимостей, приводит нас к следующему предварительному выводу: изготовление каменных крестов в Копорском и Ямском уездах не носило постоянного характера в течение длительного времени. Оно имело дискретный характер и происходило во время присутствия мастеров-каменотесов, приглашенных на работы в указанные крепости, и, в некоторых случаях, могло продолжаться какое-то время и после отъезда этих мастеров – теми местными жителями, кто мог привлекаться в качестве помощников каменотесов.

Для дальнейшего изучения этого предположения необходимо провести специальное исследование с учетом целого ряда дополнительных факторов: данные о работах в крепостях, различия в форме изображений и надписей на каменных крестах, техника исполнения и т. д.

По этой причине мы считаем, что окончательно вопрос о том, кто и когда изготавливал каменные кресты на исследуемой территории, пока остается нерешенным.

Выводы

В ходе исследования по выявлению факторов, оказавших влияние на проявление неравномерности в распределении каменных крестов по территории Копорского и Ямского уездов Водской пятины, были получены следующие результаты.

1. На территории Копорского и Ямского уездов Водской пятины 87,25 % учтенных в исследовании каменных крестов оказались расположены на Ижорской возвышенности в границах залегания карбонатных пород ордовикского периода. При этом 91,4 % из них находятся западнее условной линии Копорье – Ославье – Извара, разделяющей возвышенность приблизительно на две равные части.

2. Почти 84 % от учтенных в исследовании монументальных каменных крестов оказались расположены на расстоянии до 5 км от 70,3 % селений, которыми в разное время владели 14 новгородских монастырей, новгородский архиепископ (владыка), а также 90 семей ивангородцев.

3. Зависимости расположения могильников с каменными крестами от общей структуры расселения Копорского и Ямского уездов Водской пятины и ее иерархии (крупные, средние и малые поселения) (локализовано 494 населенных пункта) выявлено не было.

4. Зависимость расположения «больших дворов» (помещичьих усадеб) от мест обнаружения каменных крестов оказалась очень слабой: 20,2 % «больших дворов» (19) находятся в непосредственной близости (до 1 км) и 39,4 % дворов (37) – на удалении не более 5 км.

5. В писцовых книгах не было выявлено никаких сведений об осуществлении какой-либо деятельности тяглого населения, связанной с обработкой камня, в то время как на работы по устройству крепостей Ивангорода и Ямы были привлечены каменотесы с других территорий.

На основании этого мы можем сделать следующий вывод.

На неравномерность распределения каменных крестов на территории Копорского и Ямского уездов Водской пятины оказала влияние целая совокупность факторов, среди которых наиболее важными мы считаем:

- существование традиции изготовления и установки каменных крестов в Великом Новгороде в период XII–XVI вв.;

- владение монастырями из Великого Новгорода и новгородским архиепископом до конца XV в. земельными наделами в 49 населенных пунктах на исследуемой территории;
- строительство и реконструкция крепостей Копорье, Яма и Ивангород в период с конца XIII по середину XVI в.;
- владение по состоянию на 1500 г. 90 семьями ивангородцев (бывших слуг новгородских знатных бояр) земельными наделами в 37 населенных пунктах на исследуемой территории.

Литература

- Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. 395 с., 1 л. портр.
- Гневушев А. М.* Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Киев, 1915. Т. 1. Сельское население Новгородской области по писцовым книгам 1495–1505 гг. Ч. 1. 783 с. разд. паг.
- Ингерманландия глазами Самуи Паулахарью.* Велоэкспедиция летом 1911 года. СПб., 2014. 110, [1] с.
- Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии.* СПб., 1884. Вып. 8. [4], IV, 513 с.
- Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии.* СПб., 1885. Вып. 10. 514 с. разд. паг., 2 л. карт., табл.
- Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. 275 с.
- Киселев И. И., Проскуряков В. В., Саванин В. В.* Геология и полезные ископаемые Ленинградской области. СПб., 2002. 234 с.
- Кольчатов В. А.* Раскопки могильника у д. Плещевицы // Археологические открытия 1980 года. М., 1981. С. 14.
- Косточкин В. В.* Крепость Ивангород // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. М., 1952. Т. 2. Крепостные сооружения Древней Руси. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 31). С. 224–317.
- Латишин В. А.* Археологическая карта Ленинградской области. СПб., 1990. Ч. 1. 123 с.
- Неволин К. А.* О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты. СПб., 1853. (Записки Императорского Русского географического общества. Кн. 8). XII, 236, 415 с., 1 л. карт.
- Панченко В. Б.* Каменные кресты Ижорского плато (каталог) // Stratum plus. 2005–2009. № 5. С. 420–438.
- Панченко В. Б.* Работы Археологической экспедиции государственного Эрмитажа по изучению культовой архитектуры малых форм // Археологические открытия 2016 года. М., 2018. С. 22–24.
- Потравнов А. Л., Хмельник Т. Ю.* О географии распространения монументальных каменных крестов на северо-западе России // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 3 (73). С. 64–76. [Потравнов, Хмельник, 2018а]
- Потравнов А. Л., Хмельник Т. Ю.* Безмолвные стражи прошлого. Монументальные каменные кресты. М., 2018. 367 с. [Потравнов, Хмельник, 2018б]
- Пушкарев И.* Описание Санкт-Петербурга и уездных городов Санкт-Петербургской губернии. СПб., 1842. Ч. 4. [4], II, 193 с.
- Седов В. В.* Восточные славяне в VIII–XIII вв. М., 1982. 327 с.
- Стасюк И. В.* Историко-археологический очерк средневекового расселения в Дягиленском погосте Водской пятины. СПб., 2008. 40 с.
- Стасюк И. В.* Средневековое расселение на западе Ижорского плато: Ратчинский и Льешский погосты Водской пятины // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2020. Вып. 33. С. 148–154.
- Хухарев В. В.* Стерженский крест и каменные кресты Тверского края // Вопросы эпиграфики. М., 2013. Вып. 7. Ч. 2. С. 147–163.
- Янин В. А.* Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. 511 с.

References

- Bernadskii, V. N. Novgorod i Novgorodskaya zemlya v XV veke [Novgorod and the Novgorod Land in the 15th Century]. Moscow; Leningrad, 1961. 395 p., 1 l. of portr.
- Gnevushev, A. M. Ocherki ekonomicheskoi i sotsial'noi zhizni sel'skogo naseleniya Novgorodskoi oblasti posle prisoedineniya Novgoroda k Moskve [Essays on the Economic and Social Life of the Rural Population of the Novgorod Region after the Annexation of Novgorod to Moscow]. Kiev, 1915. Vol. 1. Sel'skoe naselenie Novgorodskoi oblasti po pistovym knigam 1495–1505 gg. [The Rural Population of the Novgorod Region according to the Scribal Books of 1495–1505]. Part 1. 783 p. separate pagination.
- Ingermanlandiya glazami Samuli Paulakharyu. Veloekspeditsiya letom 1911 goda [Ingermanland through the Eyes of Samuli Paulaharyu. Bicycle Expedition in the Summer of 1911]. Saint Petersburg, 2014. 110, [1] p.
- Istoriko-statisticheskie svedeniya o Sankt-Peterburgskoi eparkhii [Historical and Statistical Information about the Saint Petersburg Diocese]. Saint Petersburg, 1884. Issue 8. [4], IV, 513 p.
- Istoriko-statisticheskie svedeniya o Sankt-Peterburgskoi eparkhii [Historical and Statistical Information about the Saint Petersburg Diocese]. Saint Petersburg, 1885. Issue 10. 514 p. separate pagination, 2 l. of maps, tabl.
- Khukharev, V. V. Sterzhenskii krest i kamennye kresty Tverskogo kraja [The Sterzhensky Cross and Stone Crosses of the Tver Region]. In *Voprosy epigrafiki*. Moscow, 2013. Issue 7. Part 2. Pp. 147–163.
- Kirpichnikov, A. N. Kamennye kreposti Novgorodskoi zemli [Stone Fortresses of the Novgorod Land]. Leningrad, 1984. 275 p.
- Kiselev, I. I., Proskuryakov, V. V., Savanin, V. V. Geologiya i poleznye iskopaemye Leningradskoi oblasti [Geology and Minerals of the Leningrad Region]. Saint Petersburg, 2002. 234 p.
- Kol'chatov, V. A. Raskopki mogil'nika u d. Pleshchevitsy [Excavations of the Burial Ground at the Village of Pleshchevitsy]. In *Arkheologicheskie otkrytiya 1980 goda*. Moscow, 1981. P. 14.
- Kostochkin, V. V. Krepost' Ivangorod [Ivangorod Fortress]. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii drevnerusskikh gorodov*. Moscow, 1952. Vol. 2. Krepostnye sooruzheniya Drevnei Rusi. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. No. 31). Pp. 224–317.
- Lapshin, V. A. Arkheologicheskaya karta Leningradskoi oblasti [Archaeological Map of the Leningrad Region]. Saint Petersburg, 1990. Part 1. 123 p.
- Nevolin, K. A. O pyatinakh i pogostakh novgorodskikh v XVI veke, s prilozheniem karty [About Novgorod Pyatinas and Pogosts in the 16th Century, with the Application of the Map]. Saint Petersburg, 1853. (Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Book 8). XII, 236, 415 p., 1 l. of maps.
- Panchenko, V. B. Kamennye kresty Izhorskogo plato (katalog) [Stone Crosses of the Izhora Plateau (Catalog)]. In *Stratum plus*. 2005–2009. No. 5. Pp. 420–438.
- Panchenko, V. B. Raboty Arkheologicheskoi ekspeditsii gosudarstvennogo Ermitazha po izucheniyu kul'tovoi arkhitektury malykh form [Works of the Archaeological Expedition of the State Hermitage Museum on the Study of Cult Architecture of Small Forms]. In *Arkheologicheskie otkrytiya 2016 goda*. Moscow, 2018. Pp. 22–24.
- Potravnov, A. L., Khmel'nik, T. Yu. O geografii rasprostraneniya monumental'nykh kamennykh krestov na severo-zapade Rossii [On the Geography of the Distribution of Monumental Stone Crosses in North-West Russia]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2018. No. 3 (73). Pp. 64–76. [Potravnov, Khmel'nik, 2018a]
- Potravnov, A. L., Khmel'nik, T. Yu. Bezmolvnye strazhi proshlogo. Monumental'nye kamennye kresty [Silent Guardians of the Past. Monumental Stone Crosses]. Moscow, 2018. 367 p. [Potravnov, Khmel'nik, 2018b]
- Pushkarev, I. Opisanie Sankt-Peterburga i uездnykh gorodov Sankt-Peterburgskoi gubernii [Description of Saint Petersburg and the County Towns of Saint Petersburg Province]. Saint Petersburg, 1842. Part 4. [4], II, 193 p.
- Sedov, V. V. Vostochnye slavyane v VIII–XIII vv. [Eastern Slavs in the 8th – 13th Centuries]. Moscow, 1982. 327 p.

Stasyuk, I. V. Istoriko-arkheologicheskii ocherk srednevekovogo rasseleniya v Dyagilenskom pogoste Vodskoi pyatiny [Historical and Archaeological Essay of the Medieval Settlement in the Dyaghilev Pogost of the Vodskaya Pyatina]. Saint Petersburg, 2008. 40 p.

Stasyuk, I. V. Srednevekovoe rasselenie na zapade Izhorskogo plato: Ratchinskii i L'eshskii pogosty Vodskoi pyatiny [Medieval Settlement in the West of the Izhora Plateau: Ratchinsky and L'yeshsky Pogosts of the Vodskaya Pyatina]. In *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya*. Velikii Novgorod, 2020. Issue 33. Pp. 148–154.

Yanin, V. L. Novgorodskie posadniki [Novgorod Posadniks]. 2nd edition, revised and expanded. Moscow, 2003. 511 p.

Alexander L. Potravnov
The Regionavtica Project, Saint Petersburg, Russia
Tatyana Y. Khmelnik
The Regionavtica Project, Saint Petersburg, Russia

ABOUT IRREGULARITY OF PLACEMENT OF STONE CROSSES
WITHIN THE BOUNDARIES OF COPORYE AND YAMA COUNTIES OF VODSKAYA PYATINA

The article presents the results of a study aimed at identifying factors that influenced the spread of stone crosses in the Coporye and Yama counties. The basic initial data for the study were as follows: information on the location of stone crosses, information from scribe books of the Vodskaya Pyatina of the late 15th – early 16th centuries and materials on the geology of the territory. Based on the localization by the authors of 494 settlements of the indicated districts, the possessions of Novgorod monasteries and military settlers – Ivangorodts, as well as a number of other data recorded in the geographic information system, a number of dependencies were revealed. Based on the analysis of the results obtained, conclusions were drawn about the influence of various factors, and an assumption was made about discreteness of the periods of manufacture of stone crosses in this territory.

Keywords: a stone cross, Geoinformation system, Vodskaya Pyatina, Coporye County, scribe books

